

- Если ты не дурак, зачем в такой холод оделся так легко и говоришь такое?

Гу Цицин молча смотрел на Чжоу Цыбая. Тот отвечал тем же.

Мгновение растянулось, будто вечность, или будто время замерло в падении снежинки.

- Чжоу Цыбай, - тихо начал Гу Цицин, - купишь мне печёный батат?

- А? - Чжоу Цыбай моргнул, затем кивнул: - Да.

Он подбежал к лотку старика:

- Самый большой и сладкий, пожалуйста!

Вернувшись с дымящимся клубнем, он услышал:

- Не хочу чистить.

- Я почищу. Руки в карманах держи, не замёрзни.

Чжоу Цыбай, словно это было естественно, стал снимать кожуру. Горячий пар обжёг пальцы, сажа запачкала ногти. Но он сосредоточенно освобождал золотистую мякоть, будто выполнял священный ритуал.

Завернув нижнюю часть в пакет, протянул:

- Кушай. Остальное потом почищу.

- Угу. - Гу Цицин взял, не поблагодарив. Медленно ел, бредя домой. Чжоу Цыбай нервно семенил сзади:

- Сладкий?

- Сладкий.

Только тогда он расслабился.

Дома Гу Цицин молча доел батат, переоделся, собрал материалы для репетиторства. Подняв глаза к замершему в дверях Чжоу Цыбаю, спросил:

- Проводишь?

- Конечно! - Тот схватил ключи.

- Оденься теплее.

Осознав, что в одной кофте, Чжоу Цыбай вернулся за курткой.

Всё как всегда: пристёгивание ремня, любимая музыка, украдкой пойманный профиль Гу Цицина в окне. Урок прошёл гладко. На выходе Чжоу Цыбай, дожидавшийся у ворот, протянул подогретое клубничное молоко.

Дома - свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе. Чжоу Цыбай положил в тарелку Гу Цицина ненавистную тому зелень. Всё как прежде.

Будто ничего не случилось.

Чжоу Цыбай даже усомнился: понял ли Гу Цицин его чувства?

Пока за ужином тот, свернувшись на диване перед «Красавчиком Син», не бросил:

- Завтра съезжаю.

- Почему?! - Чжоу Цыбай обернулся от раковины. Глаза - как у щенка, брошенного хозяином.

- Мы пересекли границы.

«Мы»? Да, он переступил - влюбился. Но почему «мы»? И почему тогда Гу Цицин уходит?

- Но где ты будешь жить? А Чжоу-Чжоу?

- У Шэнь Чжао.

- Не согласен! - редкая твёрдость в голосе. - По договору ты остаёшься у меня.

- Договор недействителен.

- Почему?!

- Там речь о постельных отношениях.

- Но там нет запрета на мои чувства!

- А я боюсь твоих чувств.

Пауза.

- Твоя симпатия - гормоны. Моя - привычка к твоей доброте. Мне нужна «ломка». Уступи, ладно?

Голос дрожал, обнажая беспомощность.

Чжоу Цыбай представил улитку, прячущуюся в раковину от страха потерять лист-убежище. Ему хотелось, чтобы Гу Цицин стал ленивым рыжим котёнком, а не осторожным серым.

- Хорошо. - Он присел перед диваном, погладив Гу Цицина по голове. - Но договор остаётся. Ты и Чжоу-Чжоу остаётесь тут. Я на праздники съеду.

Запах Чжоу Цыбая звал обняться. Спрятать лицо в его шее, позволить носить себя по дому. Но нельзя.

- Обниму на прощанье?

- Да.

Объятия, всегда тёплые, теперь несли зрелость. Гу Цицин прижался к свитеру, оставив незаметное пятно слезы.

Чжоу-Чжоу металась, таская штанины, пытаюсь свести их. Даже мясо игнорировала.

- Будь умницей, - шептал Чжоу Цыбай, обнимая пса. - Уговори папу вернуться.

- Я ухожу, - крикнул он в дверь.

Гу Цицин, ковыряясь с консервой, почувствовал себя предателем.

Первые дни без Чжоу Цыбая - сон, уроки, игры. Милый щенок в игре никак не попадался.

Дома - лапша с рёбрышками, «Красавчик Син», сон. Всё как прежде.

На третий день купил батат. Первый укус - горький. Выбросил.

Ночью свалился с температурой. Ни переохлаждения, ни ран - просто болезнь.

Завернувшись в плед с Чжоу-Чжоу, он провалился в сон. Приснилось детство.

Его детство состояло из белых больничных стен и матери Инь Лань с вечно красными глазами. «Чжи-Чжи, папа стал звёздочкой», «Будь послушным», «Выпей лекарство - перестанет болеть», «Смотри, новые перчатки!», «Ради тебя я на всё готова».

Потом - роскошный особняк семьи Гу. Усталая мать обнимала его: «Это наш долг. Назовёшь дядю Гу папой? Будь хорошим мальчиком».

Он согласился.

Втайне прочитал её дневник: «Дорогой, 1 января 2001. Ты в животике у самой красивой мамы. Папа любит нас. Защищай её, ладно?»

Он решил, что дал обещание ещё до рождения. Защитит маму - и звезда будет светить ему.

Но в Наньу тучи скрывали небо.

Он получал первые места, но мама ходила на собрания к брату. Рисовал плакаты вместо отдыха. Болел - а она уходила к Гу Цзюэ.

Хотел плакать, но не мог. Любил же.

Звёзд не стало.

Гу Цицину стало холодно. Он сжался в комок.

- Чжоу-Чжоу...

- Я здесь.

Он открыл глаза. Увидел звезду.

Свою звезду.

Но сегодня она была красной и тревожной. Гу Цицин хотел утешить, но вспомнил: сам её прогнал.

Закрыв глаза, он прижался к знакомому запаху. Перед сном услышал:

- Гу-кошечка, ты эгоистичный трусишка.

Да, трусишка.

Очнулся в частной клинике. Солнечный свет, ветка зимней сливы в вазе. Капельница тикала.

«Ломка оказалась сильной», – подумал он.

Привычки – его слабость. Ошибаться с кроватью после переезда. Угощать всех сладостями. Любить кисло-сладкие рёбрышки.

А ещё привыкнуть к Чжоу Цыбаю.

К такому хорошему Чжоу Цыбаю.

Он предупреждал: «Не люби меня». Но тот всё равно влюбился.

Вспомнил слова: «Собаки привязчивы». Зря связался с этим щенком.

Дверь открылась. Щенок втащил пакет с бататом и каштанами.

Чжоу Цыбай разогрел батат, чистил каштаны. Наблюдал за исхудавшим лицом Гу Цицина.

- Выгнал меня, а сам заболел. Если б не Чжоу-Чжоу... – шёпотом ворчал он. – Три дня молчал. Я даже аватарку сменил – ты не видел.

Голос взрослого, но интонация ребёнка.

- И договор наш... ты не понял? Это же брачный контракт! А ты забыл про награду.

Гу Цицин: «...»

Какую ещё награду?

- Я ради тебя учился «искусству топового партнёра», а ты... – Чжоу Цыбай щёлкнул каштаном.
- Без сердца котик.

Пауза.

- И... я скучал.

В голосе прорвалась боль. Сердце Гу Цицина сжалось.

Он открыл глаза. Чжоу Цыбай в накинутом на пижаму пальто, с красными глазами.

- Хорошо научился «искусству топового партнёра», – хрипло произнёс Гу Цицин.

Чжоу Цыбай вздрогнул. Уши заалели.

- Ты проснулся! Позову медсестру...

- Чжоу Цыбай.

Тот обернулся.

- Если я не смогу тебя полюбить... тебе будет больно?

Чжоу Цыбай опустил взгляд.

- Я не смелый. Не верю в такую любовь. Но ты заслуживаешь большего.

Сердце Чжоу Цыбая упало.

- Но... - Гу Цицин приподнялся, - твоя боль стала моей болью. Сильнее, чем всё прошлое.

Воздух застыл.

- Дай мне время. Научусь любить себя - подарю тебе целую любовь.

Улитка осторожно коснулась листа усиком.

- Обними меня. Соскучился.

Лист замер, словно истукан.

<http://bllate.org/book/14413/1274372>